

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Две ложи (Петербургские очерки #18)

«Великолѣпный Никъ-Никъ, котораго мы видѣли въ маѣ на елагинской «стрѣлкѣ», еще не уѣхалъ за-границу. Множество обстоятельствъ задержали его въ Петербургѣ. Во-первыхъ, брянскія акціи не оправдали ожиданій. Онъ рассчитывалъ, что послѣ срѣзки купона онъ въ одну недѣлю вернуть прежнюю цѣну 506, а между тѣмъ онъ и теперь стоятъ на 470. Это урѣзало его бюджетъ. Онъ хотѣлъ наверстать на «конкѣ», но прозѣвалъ время, а по 122 купить не рѣшился...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Великокопный Никъ-Никъ, котораго мы видѣли въ маѣ на елагинской «стрѣлкѣ», еще не уѣхалъ за-границу. Множество обстоятельствъ задержали его въ Петербургѣ. Во-первыхъ, брянскія акціи не оправдали ожиданій. Онъ разсчитывалъ, что послѣ срѣзки купона онъ въ одну недѣлю вернутъ прежнюю цѣну 506, а между тѣмъ онъ и теперь стоятъ на 470. Это урѣзало его бюджетъ. Онъ хотѣлъ навестать на «конкѣ», но прозѣвалъ время, а по 122 купить не рѣшился.

Во-вторыхъ, Никъ-Никъ чрезвычайно заинтересовался игрою «поло» и прекрасно чувствовалъ себя среди блестящаго кружка молодежи, отдающаго свои досуги этому новому и неоспоримо благородному развлеченію. Для него это тѣмъ удобнѣе, что посѣщая арену Крестовскаго острова, онъ иногда завтракаетъ у одной француженки тамъ же, и обѣдаетъ у одной русской барыни на Каменномъ.

Въ третьихъ, когда въ Петербургѣ былъ полученъ единственный кусокъ новаго цвѣтнаго полотна для сорочекъ, изумительнаго рисунка въ крупную голубую, розовую и

желтую клѣтку самыхъ блѣдныхъ тоновъ, Никъ-Никъ тотчасъ перехватилъ эту новость, и оказался единственнымъ во всемъ Петербургѣ обладателемъ сорочекъ, созданныхъ въ Лондонѣ къ юбилею королевы Викторіи — дивныхъ сорочекъ въ крупную голубую, розовую и желтую клѣтку. Это произвело сенсацію, всѣ бросились искать этихъ клѣтокъ, но ни нашли. Были какъ будто похожія, но такихъ точно не было. А французъ-рубашечникъ объявилъ, что выписывать вновь не станетъ, потому что въ срединѣ лѣта уже некому будетъ шить. Понятно, что при такихъ условіяхъ Никъ-Никъ не могъ покинуть невскую столицу, не исчерпавъ до конца эффекта розовыхъ, голубыхъ и блѣдно-желтыхъ клѣтокъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, явилось еще обстоятельство особой важности. На обѣдѣ у старой княгини Троевѣровой, который Никъ-Никъ, какъ знаютъ читатели, предпочелъ всѣмъ болѣе заманчивымъ, но и болѣе легкомысленнымъ приглашеніямъ, и гдѣ онъ надѣялся быть замѣченнымъ особами съ вѣсомъ, — на этомъ обѣдѣ княгиня Троевѣрова,

освѣдомившись, что онъ предполагаетъ воспользоваться заграничнымъ отпускомъ, посмотрѣла на него какъ бы съ сожалѣніемъ, покачала укоризненно головой и сказала:

— Ахъ, господа, господа; все-то у васъ за граница на умъ. Не умѣете вы любить отечественное.

Никъ-Никъ при этомъ такъ и обмеръ, а сидѣвшій рядомъ старый князь Сѣцкій улыбнулся съ свойственной ему благожелательностью, и произнесъ:

— Нынче начинаютъ, княгиня, любить отечественное. У меня есть дѣльные молодые люди, которые совсѣмъ не стремятся за границу, развѣ только въ казенную командировку, по служебной надобности.

Этотъ обмѣнъ замѣчаній до такой степени смутилъ Никъ-Ника, что онъ подумалъ-было совсѣмъ отказаться отъ заграничной поѣздки. Потомъ, однако, успокоился, узнавъ, что самъ князь Сѣцкій уѣхалъ въ Aix-les-Bains, а сама княгиня Троевѣрова выхлопотала своему племяннику пособіе на поѣздку въ Трувиль, для поправленія здоровья.

Такимъ-то образомъ Никъ-Никъ позастра-

ль въ Петербургѣ, и въ прошлую субботу поѣхаль въ Коломяги открывать скаковой сезонъ.

У него былъ спеціальный костюмъ для скачекъ: черный жакетъ съ чрезвычайно длинными и круто закругленными фалдами, панталоны изъ бѣлой фланели и свѣтло-сѣрый цилиндръ. Все это превосходно дополняло знаменитыя розовыя, голубыя и желтыя клѣтки.

Никъ-Никъ побываль въ членской бесѣдкѣ, поздоровался съ знакомыми, и узнавъ о побѣдѣ «Гароты», выразилъ сожалѣніе, что опоздалъ къ началу, такъ какъ непременно поставилъ-бы на нее двѣсти рублей. — И былъ-бы въ отличномъ выигрышѣ, э? — добавилъ онъ, обводя ближе стоявшихъ весело-вопросительнымъ взглядомъ.

Затѣмъ онъ проникъ на галерею, и облокотясь спиною о барьеръ, обвелъ биноклемъ длинный рядъ переполненныхъ ложъ. Цѣлый цвѣтникъ совершенно лѣтнихъ шляпокъ, туалетовъ и улыбающихся лицъ. И вся интересная грядка выровнена по шнурку, не то что въ парижскомъ Лоншанѣ, гдѣ нѣтъ

ложь, и дамы напоминаютъ собою дико-растущіе цвѣтки, разбросанные здѣсь и тамъ. Знакомыхъ — почти вся трибуна. Но бинокль Никъ-Ника особенно внимательно остановился на двухъ лежахъ. Изъ одной виднѣлась желтая, длинная фізіономія дамы лѣтъ пятидесяти, одѣтой въ темные цвѣта, съ дорого стоящею чопорностью, и рядомъ громадная голова старца, лысаго, съ сѣрыми бровями и совершенно бѣлыми бакенами. Такія головы бываютъ или у очень заслуженныхъ дворецкихъ, или у тѣхъ крупныхъ петербуржцевъ, которые рѣшили, что въ ихъ рангѣ можно не заниматься наружностью, тѣмъ болѣе, что сколько ни занимайся ею, все равно толку никакого не выйдетъ.

Въ другой ложѣ Никъ-Никъ разглядѣлъ даму Уже не первой молодости, но еще очень моложавую, очень элегантно одѣтую, и рядомъ съ нею дѣвушку-подростка, лѣтъ пятнадцати, въ шляпкѣ англійскаго фасона и бѣломъ платьицѣ. Изъ-за нихъ выдвигалась рыжеватая голова барона Шпицгоха, и сверкалъ его бѣлый жилетъ изъ-подъ чернаго вестона съ бутоньеркой. Никъ-Никъ намѣтилъ

эти две ложки и поднялся наверхъ.

Дама лѣтъ пятидесяти только повернула къ нему свое длинное, желтое лицо, съ густымъ загаромъ на носу, и кивнула не подавая руки. Старецъ протянулъ два пальца, придерживая остальными перчатку. Пальцы были большіе, пухлые, съ кустиками волосъ, и производили непріятное ощущеніе.

– Сейчасъ будетъ очень интересная скачка; каждая изъ пяти лошадей можетъ выиграть. – сказалъ Никъ-Никъ.

– Неужели вы играете? – спросила дама такимъ тономъ, какъ если-бы спрашивала: неужели вы ходите безъ галстука?

Никъ-Никъ тотчасъ понялъ ее.

– Боже сохрани! Играть здѣсь въ тотализаторъ? За кого вы меня принимаете, Анна Илларионовна? – поспѣшно отвѣтилъ онъ. – У насъ иногда бываютъ крупные пари между членами, но тотализаторъ – какой ужасъ! Тамъ даже пахнетъ скверно.

Дама благосклонно на него взглянула, и улыбнулась узкими коричневыми губами. Старецъ взглянулъ нѣсколько недовѣрчиво, но тоже одобрительно, и пустилъ сиплое: хе-

хе!

– И тотализаторъ, и самыя скачки – все это жалкое обезьянство, европейничанье, – произнесъ онъ. – Въ другомъ мы уже отстали отъ этой глупой привычки, а тутъ еще тянемся. Я бы уничтожилъ.

– Нѣтъ, почему-же? – протянула дама. – Тотализаторъ – да, я тоже не позволила-бы. Но самый спортъ – развѣ вы не находите, что онъ отзывается чѣмъ-то аристократически-мъ? Взгляните на афишу – сколько тутъ именъ изъ нашего круга.

– Подражаніе, подражаніе Европѣ; и въ нашемъ кругу тоже еще есть. Лоншанъ какой-то хотятъ устроить, – упорствовалъ старецъ.

– Нѣтъ, я съ вами не согласна; гдѣ есть аристократія, тамъ долженъ быть благородный спортъ... – оспаривала дама.

– Такъ ездите на бѣга, вотъ національный русскій спортъ!

– Бѣга? Что вы говорите! Вѣдь это развлеченіе для тѣхъ... какъ это называется? Ну, вотъ, гдѣ калачи продаютъ...

– Калашниковская пристань? Тамъ никакихъ калачей не продаютъ, а милліонныя

дѣла дѣлають, – строго объяснилъ старецъ.

– Вы скоро предпринимаете вашъ обычный вояжъ за границу? – вмѣшался Никъ-Никъ, и его голосъ зазвучалъ какой-то почти-тальной слащавостью.

– Да, меня посылають въ Аркашонъ; но я все откладываю. Эта «заграница» ужъ такъ надоѣла, до такой степени все тамъ жалко, скверно, мизерно послѣ нашихъ широкихъ русскихъ привычекъ...

– Парижъ, я вамъ скажу, сдѣлался прямо гнусень, – вставилъ съ нѣкоторымъ оживленіемъ старецъ. – Я вотъ только-что вернулся, во всей Европѣ побывалъ, и вездѣ – одна гадость. Только и почувствовалъ себя снова человѣкомъ, когда меня высадили на варшавскомъ вокзалѣ. Околышъ на моемъ курьерѣ, и тотъ роднымъ показался.

– Но нельзя-же сказать, чтобы все было тамъ скверно. Театры, магазины... ну, наконецъ, рестораны... – замѣтила дама.

– Хуже нашихъ, хуже! – опять строго отрѣзалъ старецъ. – Фальсификація и дороговизна. Измельчало все, подгнило. Вся ихъ цивилизація подгнила. Мнѣ, я вамъ скажу, во

всей Европѣ только одно понравилось. Былъ я нынче въ первый разъ въ Стокгольмѣ, такъ тамъ въ садовыхъ кафе вечеромъ каждому поѣтителю подаютъ зеленое байковое одѣяло. Вотъ это умно, этому и у насъ подражать-бы слѣдовало.

Дама разсмѣялась.

– И вы сидѣли тамъ подъ зеленымъ байковымъ одѣяломъ? – спросила она.

– Сидѣлъ-съ, какъ какой-нибудь штурманъ, и прекрасно себя чувствовалъ. Но у насъ не знаютъ, что именно слѣдуетъ перенять у Европы, – заключилъ уже брюзжащимъ тономъ старецъ.

Лошади, между тѣмъ, поскакали. Никъ-Никъ воспользовался моментомъ, и сдѣлавъ торопливый, но почтительный поклонъ, покинулъ лужу.

«Чортъ возьми, изъ-за нихъ я не успѣлъ поставить», подумалъ онъ съ неудовольствіемъ, наводя бинокль на скаковой кругъ. – «Ну, такъ и есть, мой фаворитъ обскакиваетъ... нѣтъ, отпалъ. Но все равно, я потерялъ ощущение игры».

Онъ сталъ пробираться между двумя ряда-

ми ложь, раскланиваясь, на минуту останав-
ливаясь подлѣ знакомыхъ дамъ, обмѣниваясь
съ нѣкоторыми изъ нихъ какими-то условны-
ми знаками. Затѣмъ онъ вошелъ во вторую
изъ намѣченныхъ имъ ложъ.

– Выиграли? – быстро обернулась къ нему
элегантная дама не первой молодости.

– Увы, мнѣ помѣшали поставить, –
отвѣтилъ Никъ-Никъ, и объяснилъ, кто его
задержалъ, причемъ изъ самага тона его ясно
было, что когда сидишь въ ложѣ у такихъ ос-
объ, то нечего думать объ игрѣ.

– А я проигралась, то-есть не я сама, я ста-
вила вотъ на ея счастье... (дама указала на
сидѣвшую подлѣ нея дѣвушку-подростка). А
баронъ, представьте, выигралъ...

Баронъ вынулъ изъ жилетки три билета
съ однимъ номеромъ и показалъ Никъ-Никю,
причемъ его рыжіе усы, рыжія губы и рыжія
веснушки раздвинулись въ одну живопис-
ную улыбку.

– Садитесь, m-г Повацкій, рассказывай-
те... – суетливо приглашала дама, безъ нужды
двигая своимъ стуломъ и подбирая платье. –
Знаете новость: черезъ недѣлю мы уѣзжаемъ.

На мѣсяць куда-нибудь въ Швейцарію, а потомъ въ Біаррицъ. Я бы уѣхала раньше, но вотъ относительно Лили надо списаться. Нельзя же мнѣ таскать ее за собою, вѣдь я ѣду отдохнуть, вы понимаете. Теперь все устроилось. Я по дорогѣ завожу ее въ деревню ея отца, тамъ его мать. И онъ тоже тамъ, мой бывшій мужъ. Пробуду тамъ нѣсколько дней, и – вонъ изъ Россіи.

– Тянетъ?

– Ахъ, какъ тянетъ! Знаете, просто не смотрѣла бы здѣсь ни на что. Такъ противно, такъ противно... Ну, что такое, возьмите, эти скачки? Вѣдь это пародія какая-то! Можно-ли чувствовать себя въ духѣ среди этихъ петербургскихъ дамъ, напимѣрь?

– Къ мужчинамъ вы снисходительнѣе?

– Разумѣется. По моему, въ Россіи если есть чтонибудь хорошее, такъ это – мужчины. Нѣкоторые, по крайней мѣрѣ. А все остальное – ужасъ, ужасъ, ужасъ! Горничной не могу найти себѣ. Лакей, мой Филиппъ, вы знаете? – очень порядочный былъ для выѣздного, и вдругъ сегодня, представьте себѣ, наѣлся лука! Подсаживаетъ меня въ коляску, а я слы-

шу – лукъ. Велѣла ему дома остаться, что же мнѣ было дѣлать... Шляпу вчера по всему Петербургу искала, и не нашла. Модели проданы, а сами не умѣютъ сдѣлать. Вотъ и надѣла изъ тѣхъ, что еще въ маѣ покупала. Нѣтъ, мерсі; черезъ недѣлю мы улетучиваемся. А куда вы отсюда?

– Отсюда? Но я еще ничего не имѣю въ виду.

– Баронъ предлагаетъ обѣдать у Фелисьена. Я завезу Лили домой, это почти по дорогѣ. Боже мой, хоть хозяинъ тамъ французъ, это немножко поднимаетъ нервы. Вы будете?

Никъ-Никъ обѣщаль быть.

– Значитъ, въ деревнѣ вы встрѣтитесь съ вашимъ бывшимъ мужемъ? – спросилъ онъ какъ-то хитро.

– Да. И мы встрѣтимся какъ чужіе. Это оригинально, не правда-ли? Что, если онъ станетъ за мною ухаживать?

– Весьма возможно. Для него это тоже покажется оригинальнымъ.

– Вы думаете?

– Ручаюсь.

Дама засмѣялась, отвернувшись, поправила

падавшіе изъ подъ шляпки волосы Лили, потомъ быстро наклонилась къ Никъ-Нику и произнесла очень тихо надъ его ухомъ:

– Но вѣдь это... это нельзя было бы считать за адюльтерьъ?